

Эл Фрей

НЕВЕСТА ПО ДОГОВОРУ

Три месяца. Пятнадцать правил.
Один пункт, который нарушат все.

18+

18

Эл Фрей

Невеста по договору

«Автор»

2026

Фрей Э.

Невеста по договору / Э. Фрей — «Автор», 2026

Полина двадцать шесть лет, у неё детский театр, бабушка с хреном и долг в четыреста пятьдесят тысяч. Матвей Ривин владеет сорока двумя кофейнями, живёт по расписанию и не умеет жарить яичницу. Его дед поставил условие: к юбилею привести невесту, иначе доля в семейной компании уйдёт двоюродному брату. Они заключают договор на три месяца. В нём пятнадцать пунктов, штрафы за поцелуи без записи и главное правило: не влюбляться. Нарушены будут все. Но пока они спорят о подушках и репетируют любовь на скамейке в парке, двоюродный брат уже нанял детектива, а у деда оказывается свой план. Смешно, горячо и по-настоящему.

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. УСЛОВИЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эл Фрей

Невеста по договору

ЧАСТЬ 1. УСЛОВИЯ

Глава 1

Если бы кто-нибудь сказал мне утром во вторник, что моя жизнь рухнет из-за овсяного молока, я бы посмеялась ему в лицо. Потом перестала бы смеяться, потому что у меня на счёте лежало триста сорок рублей, а в кармане куртки сидел договор на рассрочку по бабушкиной кухне.

Но давайте по порядку.

Во вторник в 8:14 я стояла в очереди в кофейню «Зерно» на Покровке, в куртке поверх сценического платья феи и с огромным мешком реквизита за спиной. Мешок я несла из театрального кружка, где мы с утра репетировали «Золушку», и из него торчало крыло. Одно. Второе потерялось у меня в гардеробе, и мне теперь предстояло объяснять восьмилетней Соне, почему фея будет летать по сцене одним боком.

Передо мной стоял мужчина в сером пальто. Высокий, прямой, как будто в позвоночник ему вставили линейку, и очень сосредоточенный на телефоне. Он стоял так неподвижно, что я бы приняла его за манекен, если бы он время от времени не хмурился.

– Добрый день! – улыбнулась мне бариста Кристина. Так было написано на бейдже, который она носила криво. – Что будете?

– Капучино на овсяном молоке. Маленький. С собой.

– Триста двадцать рублей.

Я пересчитала в уме. У меня на карте было триста сорок. Дорого. Но у меня была репетиция, мне предстояло шесть часов с двадцатью детьми, а кофе иногда единственное, что стоит между тобой и истерикой.

– Давайте.

Я приложила карту. Пискнуло.

– Спасибо! С вас ещё сорок восемь рублей.

Я подняла глаза.

– За что?

– Сервисный сбор. Пятнадцать процентов. Обязательный.

– Обязательный?

– Да. Он добавляется автоматически.

Это был момент, когда я поняла, что день не удался. Вообще-то я человек мирный. Я говорю детям «пожалуйста» и «спасибо», я уступаю место в метро всем, кто кажется мне старше двадцати восьми. Но в этот момент у меня на счёте оставалось двадцать рублей, в мешке торчало крыло, а где-то в квартире на Петровке моя бабушка варила суп из последнего картофеля.

– Простите, – сказала я вежливо. – Сервисный сбор за то, что вы налили мне кофе?

– Это правило заведения.

– А если я сама донесу чашку?

– Это всё равно правило.

– А если я не буду пить?

– Девушка, я не знаю.

– А если мне не понравится?

– Девушка...

– Просто я хочу понять логику, – сказала я громче, чем собиралась. – В ресторанах чаевые добровольные. В магазине вы не платите кассиру за то, что он пробил чек. Здесь мне предлагают заплатить за то, что я отстояла очередь, и ещё за то, что мне налили то, за что я уже заплатила. Это как...

– Как налог на воздух, – сказал кто-то рядом.

Я обернулась. Мужчина в сером пальто смотрел на меня поверх телефона. Лицо у него было такое, каким бывает у человека, которому только что сообщили о крупном убытке и который пока не решил, на ком его выместить.

– Именно, – сказала я. – Налог на воздух. Спасибо. Вот человек, который меня понимает.

– Я вас не понимаю, – возразил он. – Я констатирую.

– Какая разница?

– Огромная. Понимание предполагает сочувствие.

– А у вас его нет?

– Нет.

Кристина за стойкой перестала улыбаться. Она смотрела на мужчину, как смотрят на высшее начальство, которое внезапно вышло из подсобки.

– Я пойду, – сказала я. – Забирайте ваш кофе. Я лучше дома сварю.

– Подождите.

– Зачем?

– Затем, что сорок восемь рублей я могу отменить.

Я прищурилась.

– Вы кто?

– Посетитель.

– Тогда с чего вы...

– Кристина, – сказал мужчина, не отрывая от меня взгляда. – Сбор отменить. Вернуть девушке сорок восемь рублей. И забрать у неё те двадцать, которые она положила на чаевые, потому что чаевые должны быть добровольными. Вы это мне сейчас сами сказали.

Я открыла рот.

– Это бред, – наконец сказала я. – Откуда вы знаете, что я...

– Вы только что произнесли речь на сорок секунд и посмотрели на кассу. Я умею считать.

– Вы подслушивали!

– Я стоял в трёх метрах и не мог не слышать. Вы говорили громко.

– Я говорила убедительно!

– Это разные вещи.

Кристина за стойкой издала странный звук, будто пыталась не засмеяться.

– Простите, – она посмотрела на мужчину. – Матвей Андреевич, я не знала, что вы...

– Я знаю, что не знали. Исправляйте.

Мир внутри меня остановился. Медленно, как лифт между этажами.

– Матвей Андреевич? – повторила я.

Он спрятал телефон в карман.

– Ривин. Владелец сети.

Тишина длилась секунды три. За это время я успела вспомнить всё, что только что сказала в этом помещении про налоги на воздух, про логику и про заведения, которые живут за счёт гостей.

– Ах так, – сказала я. – Тогда у меня ещё один вопрос.

– Слушаю.

– Почему у вас в меню нет цен?

– В смысле?

– В меню на доске цена «от». «Капучино от 280». А мне пробили триста двадцать. Куда делись сорок рублей сверх «от»?

Он повернулся к доске. Секунду смотрел на неё. Потом очень медленно перевёл взгляд на Кристину.

– Пересчитайте мне чек, – сказал он.

– Я... это за размер, там ещё доплата за овсяное молоко.

– Это не указано.

– Это на планшете.

– Покупателя?

– Нет.

– Тогда это недочёт.

Он говорил так спокойно, что у меня похолодело в спине. Это был голос человека, который видит перед собой ошибку и не собирается её прощать. Но он не кричал. Не повышал тон. Просто смотрел на доску, как хирург смотрит на снимок.

– Девушка, – сказал он мне, не оборачиваясь. – Ваш кофе бесплатный. Приношу извинения за неудобства.

– Не надо мне бесплатного. Я просто хочу...

– Вы хотите справедливости. Я понимаю. Но кофе, которого вы не получили, не вернёт вам потраченных нервов. Поэтому: кофе за счёт заведения. И приходите завтра, я исправлю доску.

– Я не приду завтра. У меня репетиция.

– Тогда послезавтра.

– У меня и послезавтра.

– В таком случае заходите, когда будет время.

Он повернулся. Мы оказались лицом к лицу. Глаза у него были тёмные, почти чёрные, и в них не было ни насмешки, ни злости. Только внимательное, холодное любопытство, с которым рассматривают редкое насекомое.

– Вы прекрасно говорите, – сказал он.

– Спасибо.

– Это не комплимент. Это наблюдение.

– Я так и поняла.

Кристина поставила на стойку капучино. Я взяла его, закинула мешок на плечо и пошла к выходу. На пороге обернулась.

– Крыло, – сказала я.

– Что?

– В следующий раз, когда будете считать налог на воздух, не забудьте про мои нервы. Они тоже стоят денег.

И вышла, чувствуя, как горят уши.

Я дошла до перекрёстка, когда обнаружила, что в кармане куртки нет моей визитки-листочка. Той самой, на которой написано «Снегурочка, Баба-яга, Фея: праздники и корпоративы. Полина Лазарева», с телефоном и милой картинкой. Я доставала её в кофейне, когда искала карту, и, видимо, выронила.

Ну и ладно, подумала я. Кому она нужна.

Я ещё не знала, что она нужна одному человеку. И что через три дня этот человек будет стоять передо мной с очень странным предложением.

Глава 2

Объясню, чем зарабатывает на жизнь взрослая женщина с дипломом педагога-режиссёра и долгом в четыреста пятьдесят тысяч рублей.

Она ходит на корпоративы в костюме Бабы-яги.

Это не метафора. Это моя пятница. С шести вечера я надеваю парик с седыми космами, накладной нос с бородавкой, лапти из папье-маше, и иду развлекать сотрудников страховой компании «Гарант-Север» песней про ступу и вопросом: «Кто из вас, добры молодцы, не заполнил отчёт по квартальному плану?» Люди смеются. Люди хлопают. Люди даже иногда фотографируются со мной, обнимая мою бородавку. Я получаю четыре тысячи пятьсот рублей и пакет с шоколадными конфетами, которые бабушка потом отнесёт соседке.

В ту пятницу я стояла за кулисами актового зала на Ленинградском проспекте и поправляла нос, когда ко мне подбежала организатор Лариса. Лариса была женщиной, которая никогда не стояла на месте и всегда говорила так, будто мир заканчивается через двенадцать минут.

– Полина, ты готова?

– Я готова с четырёх часов.

– Отлично. Тут такое дело. У нас в зале особый гость. Владелец одной из партнёрских компаний. Он, говорят, не любит праздники, поэтому ты там не особенно... ну... подкалывай его, но осторожно. Он вообще-то шутки не любит.

– Лариса, я Баба-яга. Подкалывать – моя работа.

– Да, но аккуратно.

– Как человек подкалывает аккуратно?

– Не знаю. Придумай.

Она убежала. Я вздохнула, поправила седые космы, взяла метлу и вышла на сцену под музыку из «Бабы-яги против всех».

Зал был полон. Столы, шарик, сотрудники в красных колпаках, хотя до Нового года оставалось два месяца. Я прошла по центру, шаркая лаптями, и объявила:

– Здравствуйте, добры молодцы и красны девицы! Прилетела я к вам на метле, потому что слышала: в вашей конторе все такие вежливые, что даже на корпоративе спрашивают разрешения улыбнуться.

Зал засмеялся. Я пошла вдоль столов, раздавая «заклинания»: «Чтоб отчёты сходились», «Чтоб премия не задерживалась», «Чтоб начальник отпустил с обеда на десять минут раньше». Люди хохотали, кто-то протянул мне стакан лимонада. Я выпила и поклонилась. И тут увидела его.

За дальним столом, вдалеке от сцены, сидел мужчина в сером костюме. Прямой, неподвижный, с лицом человека, которого привели сюда против воли. Перед ним стоял нетронутый бокал воды, а он смотрел на меня так, будто видел перед собой не Бабу-ягу, а таблицу с ошибкой.

Я узнала его не сразу. Нос с бородавкой мешал обзору, а свет бил в глаза. Но когда он слегка наклонил голову, то стало понятно: серое пальто, чёрные глаза, ощущение, что рядом холодильник.

Ривин.

Ну конечно. Конечно, он. Кто же ещё будет сидеть на корпоративе страховой компании и смотреть на Бабу-ягу, как на налоговый риск.

Я прошла мимо, постаравшись не встретиться с ним взглядом, раздала ещё пару заклинаний, исполнила песню про ступу. Зал аплодировал. Я кланялась, махала метлой и мечтала только об одном: чтобы всё закончилось быстро и безболезненно.

Но вечер не закончился.

После выступления Лариса схватила меня за руку и потащила в коридор:

– Полина, тебя хочет видеть тот самый гость. Ривин. Он просил передать тебе вот это.

Она протянула мне визитку. Тяжёлая бумага цвета слоновой кости. «Матвей Ривин. Генеральный директор. Группа компаний "Зерно & Ко"». И от руки, ровным почерком: «Пятница, 22:30, служебный вход. Дело на 600 000».

Я прочитала это дважды.

– Лариса, он что, маньяк?

– Не знаю, – сказала Лариса, но глаза у неё стали круглыми. – Но сумма впечатляющая.

В 22:30 я стояла у служебного входа в потрёпанной куртке поверх костюма Бабы-яги, с париком в одной руке и метлой в другой. Выглядела я так, будто сбежала из сказки про эксплуатацию детского труда. Хотелось домой, в тапочки и суп.

Из-за угла вышел он. Без пальто, в рубашке с расстёгнутым воротником. В руках у него был стакан, и я с удивлением поняла, что это горячий чай.

– Вы пришли, – сказал он.

– Вы написали «шестьсот тысяч». Я не такая гордая.

– Это хорошо. Гордость сейчас помешала бы.

Он протянул мне стакан.

– Выпейте. На улице холодно.

– Я не просила.

– Я не про просьбы. Я про факты.

Я взяла. Чай был сладкий, крепкий, с лимоном. Лучше, чем у любой кофейни.

– Чего вы хотите?

– Нанять вас.

– Для чего?

– Чтобы вы сыграли роль моей невесты.

Я поперхнулась. Горячий чай обжёг язык.

– Что?

– Моя семья устраивает юбилей деда. Ему девяносто лет, и он поставил условие. Если я приведу невесту на праздник, который состоится через три месяца, он перепишет завещание на меня. Если нет, моя доля в семейной компании отойдёт двоюродному брату.

– Вы шутите.

– Я никогда не шучу.

– Тогда это ужасно, – сказала я. – Это самая странная вещь, которую мне предлагали. А мне предлагали сыграть тёщу на свадьбе, где настоящая тёща лежала в соседней комнате.

– Я понимаю.

– Нет, вы не понимаете. Вы стоите на морозе в рубашке и предлагаете мне быть вашей невестой за шестьсот тысяч. Откуда вы знаете, что я не расскажу всё вашему деду?

– Потому что вы три дня назад отказались от бесплатного кофе, – сказал он. – Вы не берёте того, что не заработали. Это редкое качество. Мне оно нужно.

Я смотрела на него молча. Стакан грел ладони.

– Откуда вы узнали, где меня искать?

– У вас в листовке был телефон. Лариса оказалась организатором вашего последнего заказа. Мир тесен.

– Вы... это вы устроили этот корпоратив?

– Нет. Но я знал, что вы здесь будете. Партнёры устраивают такие вечера, и я решил посмотреть на вас в работе.

– Посмотрели?

– Да.

– И?

– Вы хороши. Очень хороши. Вы заставили зал, в котором сидят шестьдесят человек и восемь из них не умеют смеяться, хохотать. Это меня убедило.

– Вы выбирали невесту по тому, как она ведёт корпоратив?

– Я выбирал человека, который не растеряется. Остальное можно отрепетировать.

Я молчала. В голове крутилась цифра. Шестьсот тысяч. Это почти вся бабушкина рассрочка и ещё немного на жизнь. Это без долгов, без звонков из банка, без вечерних разговоров шёпотом на кухне, когда она думает, что я не слышу.

– Это незаконно?

– Нет. Это договор оказания услуг.

– Что входит в услуги?

– Три месяца. Присутствие на семейных мероприятиях. Совместные выходы в свет. Фото. Публичные нежности в разумных пределах.

– Каких пределах?

– Это обсуждается.

– А потом?

– Потом юбилей. После него мы расходимся.

Я сделала глоток. Чай остыл.

– Мне нужно подумать.

– Конечно. У вас до понедельника.

– Хорошо.

– Только одно условие, – сказал он. – Вы сейчас сняли парик. Пожалуйста, не надевайте его на первую встречу с дедом.

Я не выдержала и расхохоталась. Громко, на всю подворотню. Он стоял и смотрел на меня с лёгким удивлением, будто я сделала что-то необычное.

– Вы смеётесь, – сказал он.

– Вы тоже можете.

– Не умею.

– Тогда научитесь.

Он чуть заметно качнул головой, и мне показалось, что в уголке его рта мелькнуло что-то похожее на улыбку. Очень короткую. Как вспышка спички на ветру.

– До понедельника, Полина Игоревна.

– Лазарева. Просто Полина.

– До понедельника, Полина.

Он развернулся и ушёл. Я стояла у служебного входа с остывшим чаем в руках, и только сейчас заметила, что надела парик задом наперёд.

Бабушка ждала меня дома с остывшим супом и вопросом: «Ну как, сегодня хорошо заплатили?»

– Сегодня очень хорошо, – сказала я. – Но я пока не знаю, чем это обернётся.

Глава 3

Матвей

Он не умел просить. Это Матвей понял ещё в двадцать три года, когда пришёл в первый банк за кредитом на первую кофейню и услышал: «Молодой человек, у вас в бизнес-плане слишком много слова "если"». Тогда он усвоил: просьбы нужно превращать в условия, условия в договор, а договор в подпись. Так надёжнее.

Поэтому в субботу утром он составил договор.

Двенадцать страниц. Он сидел за кухонным столом в своей квартире на Остоженке, где всё стояло ровно, как на чертеже, и печатал, не сверяясь с шаблонами. Потому что шаблонов на такое не существовало.

«Договор об оказании услуг по представлению в роли невесты».

Он перечитал заголовок и стёр слово «представлению». Заменял на «исполнению». Потом вернул обратно. Потом решил, что в юридических текстах главное не красота, а однозначность.

«Пункт 1. Срок действия договора: три месяца, с момента подписания до дня юбилея Заказчика (14 февраля). Пункт 2. Исполнитель обязуется присутствовать на семейных мероприятиях Заказчика, предварительно согласованных. Пункт 3. Исполнитель обязуется вести себя в публичном пространстве как невеста Заказчика, включая ношение кольца, совместные фотографии и проявление привязанности. Пункт 4. Под "проявлением привязанности" понимаются: взятие за руку, объятие за талию, поцелуй в щёку. Пункт 5. Поцелуи в губы допускаются исключительно в присутствии свидетелей и только по предварительной договорённости. Пункт 6. За нарушение пункта 5 предусмотрен штраф в размере 5 000 рублей. Пункт 7. Нежные обращения друг к другу наедине запрещены. Штраф 3 000 рублей.»

Он остановился, перечитал и добавил:

«Пункт 14. Стороны обязуются не влюбляться. Нарушение влечёт расторжение договора без выплаты вознаграждения».

Матвей посмотрел на экран и впервые за утро нахмурился. Пункт четырнадцатый выглядел глупо. Он стёр его. Потом вернул, потому что вспомнил своего двоюродного брата Эдуарда. Эдуард был способен испортить любое дело, а особенно такое, в котором замешаны чувства.

Ведь вся эта история была ловушкой. И Матвей это понимал.

Дед, Аркадий Ильич Ривин, в свои девяносто лет сохранил ясность ума и привычку устраивать семейные спектакли. Он владел сорока процентами «Ривин-Холдинга», строительной и торговой империи, которую создал с нуля. Матвей и Эдуард были двумя внуками, претендующими на наследство. Матвей занимался кофейнями, которые дед называл «баловством». Эдуард занимался недвижимостью, которую дед уважал. И вот на чаепитии в сентябре дед объявил: «Мне девяносто. К юбилею я хочу видеть, что мои внуки хоть чего-нибудь стоят. Эдик придёт со своей Алёной, она уже есть. А ты, Матвей, приведёшь невесту. Не девицу, не подругу, а невесту. Настоящую. С кольцом, с родителями и с намерениями. Иначе вся твоя доля уйдёт брату».

Матвей тогда промолчал. Просто кивнул, допил чай и ушёл. А потом три недели пытался найти среди знакомых женщину, которая согласилась бы на этот цирк. Нашёл несколько. Все они смотрели на него одинаково: либо с жадным интересом к кошельку, либо с настоящим желанием, которого он не мог им дать. Ему нужна была не любовь и не сделка с последствиями. Ему нужен был человек, который отыграет и уйдёт.

А потом в кофейне на Покровке женщина с крылом феи в мешке прочитала ему лекцию о налоге на воздух.

Он до сих пор не мог объяснить, почему запомнил её. Ему часто высказывали претензии. Он привык к ним, как привыкают к шуму в метро. Но она сказала это так, что в голосе не было ни капли страха. Она стояла в куртке поверх блестящего платья, с мешком реквизита, и смотрела на него снизу вверх, как на сложную задачу, которую она непременно решит. Он давно не встречал такого взгляда.

Потом у него на полу оказалась её листовка. «Снегурочка, Баба-яга, Фея». Он нашёл её, когда уходил из кофейни, и положил в карман, сам не зная зачем. А вечером не выдержал и позвонил Ларисе, с которой работал по корпоративам, и узнал, что Полина выступает в пятницу.

Он пошёл на этот корпоратив с одной целью: убедиться, что ему показалось. Что она не такая смешная, не такая живая, не такая настоящая, и можно спокойно выбросить мысль и вернуться к списку «подходящих» кандидаток.

Но она вышла на сцену в этом нелепом парике, и зал, в котором люди сидели с каменными лицами, захохотал уже через минуту. Он смотрел на неё и ловил себя на том, что следит за каждым её движением. Как она держит метлу. Как наклоняет голову, когда импровизирует. Как не боится выглядеть смешной.

Это его раздражало. И притягивало.

Он закончил договор в десять утра, распечатал и положил в папку. Потом вспомнил, что не написал сумму, и вернулся.

«Пункт 15. За исполнение обязательств Заказчик выплачивает Исполнителю вознаграждение в размере 600 000 (шестисот тысяч) рублей: 200 000 при подписании, 200 000 через полтора месяца и 200 000 после юбилея».

Он поставил точку. Посмотрел на сумму. Это было больше, чем он планировал, но меньше, чем он готов был заплатить.

В понедельник в десять утра они встретились в кофейне «Зерно» на Покровке. Он сидел за угловым столиком с папкой и чашкой чая. Она вошла в десять ноль две, в тёмно-синем платье и потрёпанном пальто, и огляделась так, будто заходила не в кофейню, а в зал суда.

– Вы опоздали на две минуты, – сказал он.

– Вы считали?

– Я всегда считаю.

– Это нездорово.

– Это эффективно.

Она села напротив. Доска у входа теперь сияла: цены были написаны честно, без «от». Он заметил, как она это увидела, и как уголок её рта дрогнул.

– Вы исправили.

– Вы же просили.

– Я просила справедливости. Вы выдали мне доску.

– Это одно и то же.

Он подвинул ей папку.

– Договор.

Она открыла. Читала медленно, внимательно, шевеля губами на длинных пунктах. Он наблюдал. Она дошла до пункта пятого и подняла брови. До шестого и фыркнула. До седьмого и закрыла рот ладонью, пытаясь не рассмеяться.

– Матвей Андреевич.

– Да.

– «Поцелуй в губы исключительно в присутствии свидетелей и только по предварительной договорённости».

– Да.

– Вы это серьёзно написали?

- Это юридическая формулировка.
- Вы собираетесь записываться на поцелуи?
- Предварительная договорённость не требует записи. Достаточно устного согласия.
- А штраф пять тысяч?
- Это мера дисциплины.
- Вы платите штраф, если нарушите?
- Нет. Платит нарушившая сторона.
- А если оба нарушили?

Он помолчал.

- Такого пункта в договоре нет.

– Тогда добавьте, – сказала она, и в глазах у неё заплясали чёртики. – «При обоюдном нарушении штраф удваивается и жертвуется на нужды детского театра».

- Это ваша фантазия.
- Это поправка. Я правлю договор.

Он смотрел на неё и вдруг понял, что ему интересно. Не любопытно, а именно интересно, как бывает интересно перед новой сложной задачей, когда ты не знаешь, чем она кончится.

- Хорошо, – сказал он. – Добавим.

Она кивнула и перелистнула страницу. Дошла до последнего пункта и замерла.

- «Пункт 14, – прочитала она вслух. – Стороны обязуются не влюбляться».

– Да.

- Вы написали это в договоре.

– Для ясности.

– Матвей Андреевич.

– Да?

– Вы очень странный человек.

– Я знаю.

Она взяла ручку. Он увидел, как у неё чуть дрожит рука, и это почему-то подействовало на него сильнее, чем если бы она подписала не глядя.

- Один вопрос, – сказала она. – Почему я?

Он мог бы соврать. Мог бы сказать, что она подходит по возрасту, по внешности, по актёрским данным. Все эти ответы лежали на поверхности, и каждый был правдой лишь отчасти.

– Потому что вы не побоялись сказать мне «нет», – сказал он. – Я давно не слышал этого слова.

Она долго смотрела на него. Потом поставила подпись. Подпись у неё была быстрая, лёгкая, с завитком на конце.

- Договорились, – сказала она.

– Хорошо.

– Только знаете что?

– Что?

– Не называйте это «хорошо». У меня бабушка говорит: когда мужчина произносит «хорошо» таким тоном, жди неприятностей.

Он неожиданно для самого себя тихо хмыкнул.

– Учту.

Она встала, протянула руку:

– Партнёры?

Он пожал. Её ладонь была тёплой и сухой, а пальцы чуть дрогнули в его руке и быстро отдёрнулись.

- Партнёры, – сказал он.

Она вышла, а он остался сидеть над договором, на котором теперь стояли две подписи. Ему казалось, что он сделал самую рациональную вещь в своей жизни. Всё было проверено, посчитано, описано.

Только на последней странице, рядом с её подписью, она зачем-то нарисовала маленькую метлу. И он, сам не понимая зачем, не стал это зачёркивать.

Что дальше. Главы 4–6: первая репетиция «любви» (они учатся держаться за руки на людях и срываются в смех), знакомство Полины с бабушкой Матвея и первый семейный ужин, на котором Эдуард начинает проверять легенду. Пишу?

Глава 4

Он назначил первую репетицию на субботу, на девять утра. В парке.

Я узнала об этом из сообщения, которое пришло в пятницу в 23:47. Там было написано: «Суббота, 9:00, Нескучный сад, у главного входа. Форма одежды: без парика. М. Р.».

Я перечитала сообщение три раза и ответила: «А если пойдёт дождь?»

Через минуту пришёл ответ: «Дождя не будет».

«Откуда вы знаете?»

«Я смотрел прогноз».

Я положила телефон на тумбочку и посмотрела на бабушку, которая сидела в кресле у окна с вязанием и делала вид, что не подслушивает.

– Это он? – спросила она.

– Кто?

– Этот твой клиент.

– Бабушка, я сказала тебе, что мы будем играть пару на юбилее. Это работа. Три месяца, хороший гонорар.

– Хороший, – согласилась бабушка. – Шестьсот тысяч. Я слышала, как ты говорила по телефону с Ларисой.

– Бабушка!

– А что бабушка? У меня слух отличный. Только вот не верю я в такие истории. Когда мужчина платит женщине за три месяца, он покупает не три месяца.

– Он покупает вид.

– Вид – это уже много.

Она вернулась к вязанию. Я ушла на кухню и долго мыла одну и ту же чашку.

В субботу дождя не было. Было серое, ясное, холодное утро, пахло прелой листвой и мокрым асфальтом. Матвей стоял у входа в парк в тёмном пальто и держал в руках два бумажных стакана. Выглядел он так, будто пришёл на встречу с партнёрами и ждёт, что они опоздают.

– Вы пришли без парика, – сказал он.

– Вы просили.

– Это хорошо.

Он протянул мне стакан. Чай. Опять чай, горячий, сладкий, с лимоном.

– Откуда вы знаете, что я не пью кофе по утрам?

– Не знаю. Просто решил, что вы любите чай.

– Угадали.

– Я не угадываю. Я предполагаю.

– Какая разница?

– Предположение обосновано.

– Чем?

– Вы три дня назад купили капучино на овсяном молоке, а потом устроили скандал из-за цены. Люди, которые переживают из-за сорока рублей, редко пьют кофе без необходимости.

Я хотела обидеться, но получилось рассмеяться.

– Вы пугающе внимательный.

– Это профессиональное.

Мы пошли по аллее. Вокруг бегали люди в ярких куртках, катились коляски, лаяла собака, и всё это выглядело таким нормальным, что наша сделка казалась ещё более нелепой.

– План на сегодня, – сказал Матвей. – Первое: легенда. Второе: контакт. Третье: реакции.

– Что значит «контакт»?

– Нам нужно научиться касаться друг друга так, чтобы это выглядело естественно.

– А сейчас не выглядит?

– Сейчас мы идём в метре друг от друга и держим стаканы, как два человека, которые ждут автобус.

Он был прав. Я невольно придвинулась ближе, и он тут же отстранился на ту же дистанцию. Мы походили на двух магнитов с одинаковым зарядом.

– Давайте начнём с руки, – сказал он.

– С чьей?

– С вашей.

Он поставил стакан на ближайшую скамейку, медленно, как человек, который сомневается в собственном решении, и протянул мне открытую ладонь. Я смотрела на неё секунд пять. Большая, с длинными пальцами и короткими ровными ногтями. На указательном виднелся маленький шрам.

– Откуда шрам? – спросила я.

– Порезался ножом, когда учился делать нарезку для сэндвичей. В девятнадцать лет. Я работал на кухне.

– Вы работали на кухне?

– Два года. Это мало кто знает.

Я вложила руку в его ладонь. Она была тёплой, суше и жёстче моей, и сжал он её совсем немного, осторожно, как будто держал что-то хрупкое.

– Нормально? – спросил он.

– Нормально.

– Слишком крепко?

– Нет.

– Слишком слабо?

– Матвей Андреевич.

– Да.

– Вы держите мою руку так, будто это важный документ.

Он посмотрел вниз.

– Так лучше?

Он слегка расслабил пальцы, и вышло ещё хуже. Моя ладонь повисла в его руке, как рыба на крючке.

– Нет, – сказала я. – Так вы держите руку человека, которому собираетесь сообщить плохие новости.

– А как держат руку невесты?

– Не знаю. Я никогда не была невестой.

Мы остановились. Мимо пробежала девушка в наушниках, оглянулась на нас с любопытством.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте попробуем иначе. Представьте, что мы идём по улице, и мне нужно, чтобы вы не потерялись.

– В толпе?

– Да.

– Тогда держите крепче. И не смотрите на руки.

Он сжал мои пальцы сильнее. Я невольно придвинулась, и мы пошли по аллее, как нормальные люди, рядом, плечом к плечу, сцепленными руками. Это оказалось неожиданно приятно. Как будто в мире на секунду стало на один процент меньше хаоса.

– Теперь легенда, – сказал он. – Как мы познакомились?

– В кофейне, – сказала я.

– Это правда.

– Именно поэтому её проще запомнить. Я устроила скандал из-за налога на воздух, вы отменили сбор.

– Вы выкрикнули, что у меня нет сочувствия.

– Нет, это вы сказали, что у вас его нет.

– А потом?

– Потом вы пришли на мой корпоратив.

– Это не годится. Дед сразу заподозрит.

– Почему?

– Потому что у деда в голове слово «корпоратив» вызывает ассоциации с фуршетом и неприличными шутками.

– Тогда придумаем другое. Вы пришли на репетицию детского спектакля.

Он остановился.

– Что?

– Вы нашли мою листовку, позвонили мне, потому что вам срочно нужна была Баба-яга на мероприятие в вашу компанию. Я приехала, мы заспорили о гонораре. Вы влюбились в меня за пять минут, потому что я сказала вам правду.

– Я не влюбляюсь за пять минут.

– Это легенда, Матвей Андреевич. В легендах влюбляются за пять минут.

Он смотрел на меня несколько секунд.

– Вы правда хорошо это придумываете.

– Я режиссёр.

– Тогда дальше. Как я сделал предложение?

– Вы сделали его на кухне.

– Почему на кухне?

– Потому что вы готовили ужин, не смогли поджарить яичницу и расстроились. А я сказала, что всё равно выйду за вас, потому что вы единственный человек, который признаёт свои ошибки.

– Откуда вы знаете, что я не умею жарить яичницу?

– Не знаю. Я придумываю.

– Это правда, – сказал он тихо. – Я действительно не умею.

Я расхохоталась. Он смотрел на меня, и в его лице было что-то странное: растерянность, смешанная с интересом.

– Вы сейчас смеялись надо мной.

– Над ситуацией.

– Это разные вещи.

– Для вас, наверное.

Мы дошли до скамейки у пруда. Он усадил меня, сам остался стоять, как всегда прямой, как будто ждал команды.

– Следующий этап: жесты, – сказал он. – Мне нужно уметь обнять вас за талию, не вызывая подозрений.

– Давайте.

Он положил руку мне на спину. Движение вышло осторожным, почти робким. Я чувствовала тепло его ладони через пальто, и вдруг поняла, что дышу реже обычного.

– Нормально? – спросил он.

– Да.

– Вы напряжены.

– Вы тоже.

– Я не напряжён.

– У вас жилка на виске бьётся.

Он коснулся виска, и в этот момент я не выдержала и рассмеялась снова, уже по-настоящему, до слёз. Он смотрел на меня, как будто хотел рассердиться, но не мог.

– Мы никогда не сыграем это на семейном ужине, – сказала я, вытирая глаза.

– Мы сыграем.

– Вы уверены?

– У нас три месяца.

– Три месяца и четырнадцать правил.

– Пятнадцать, – поправил он. – Пункт про штраф за обоюдное нарушение вы сами добавили.

– Вы выучили договор наизусть?

– Я написал его.

– Но вы не помните, что подписали на последней странице?

– Что?

– Метлу.

Он помолчал.

– Я заметил.

– И не зачеркнули.

– Не зачеркнул.

Он смотрел на меня так, что мне вдруг захотелось отвести глаза. Но я не отвела. И он тоже.

Где-то вдалеке залаяла собака. Ветер сорвал с дерева жёлтый лист, и он упал мне на колени. Матвей наклонился и аккуратно, двумя пальцами, взял его и положил на скамейку.

– Репетиция окончена, – сказал он. – Следующая в среду.

– Куда?

– Расскажу позже.

Он ушёл, не оглянувшись. А я осталась сидеть на скамейке и смотрела на жёлтый лист и на свою ладонь, которая всё ещё хранила тепло его пальцев.

Это работа, повторила я себе. Просто работа.

Но почему-то в тот момент мне хотелось, чтобы репетиция не заканчивалась.

Глава 5

В среду он повёл меня знакомиться с бабушкой.

То есть сначала он спросил, можно ли ему прийти. Это было самое неожиданное в нашем договоре: Матвей, которого я представляла человеком, привыкшим приказывать, на самом деле спрашивал разрешения почти на всё. Он писал: «Можно ли заехать в среду? Хочу познакомиться с вашими близкими, чтобы в случае вопросов деда у меня были правдоподобные детали».

Я ответила: «Бабушка не знает про договор. Я сказала ей, что мы просто играем пару для вашего дедушки».

«Значит, правдоподобные детали включают то, что вы ей сказали?»

«Да».

«Принято».

Принято. Он всегда писал «принято», как будто я присылала ему отчёты.

Бабушка к его приезду готовилась, как к инспекции. Она встала в шесть утра, достала из шкафа скатерть, которую мы использовали только на Новый год, испекла три вида пирожков и расставила на столе всё, что стояло в кладовке: соленья, маринады, варенья и ту самую банку огурцов с хреном, от которой у соседей слезились глаза за три этажа.

– Бабушка, он приедет на двадцать минут, – сказала я.

– Он приедет знакомиться, – возразила она. – Это серьёзное дело. Я должна показать, что у нас не бедные люди.

– Мы бедные люди.

– Не при нём.

Матвей приехал ровно в семь вечера. Я услышала звонок и пошла открывать, а когда открыла, чуть не рассмеялась. Он стоял на пороге с огромным букетом белых хризантем, пакетом из кондитерской и бутылкой вина. Весь в чёрном, как на похоронах.

– Это для вашей бабушки, – сказал он. – Я не знал, что принято приносить.

– Вы принесли всё.

– Я перестраховался.

Бабушка вышла из кухни в фартуке с вышитыми петухами. Она остановилась на пороге, посмотрела на Матвея снизу вверх, оглядела его с головы до ног и вынесла молчаливый вердикт, который я привыкла читать по её глазам: «Высокий. Худой. Слишком серьёзный. Посмотрим».

– Здравствуйте, – сказал он. – Матвей.

– Нина Петровна.

– Очень приятно.

– Приятно будет после ужина, – сказала бабушка. – Проходите.

Мы сели за стол. Бабушка поставила перед Матвеем тарелку супа, которого хватило бы на троих, и села напротив с видом следователя.

– Значит, вы тот самый, кто хочет жениться на моей внучке.

– Фиктивно, – поправила я.

– Для вида, – сказал он.

– Я поняла, – отрезала бабушка. – Но вид тоже налагает обязательства. Вы кем работаете?

– Владею сетью кофеен.

– Много?

– Сорок две.

– А образование?

– Экономическое. МГУ.

– Родители живы?

– Отец умер. Мать живёт в Португалии.

– С кем вы живёте?

– Один.

– Это плохо, – сказала бабушка. – Мужчина, который живёт один, обычно либо очень умный, либо очень избалованный.

– Бабушка, – прошипела я.

– Я просто спрашиваю.

Матвей положил ложку и посмотрел на неё внимательно.

– Я не избалованный, – сказал он. – Скорее, невнимательный. Мне говорили, что я не умею замечать людей.

– Кто говорил?

– Бывшая девушка.

– Вы любили её?

– Я думал, что да.

– А теперь?

– Теперь думаю, что она была права.

Бабушка прищурилась. Я видела, как она его оценивает. Это был взгляд, которым она встречала всех моих поклонников, и ни один не выдерживал.

– Ешьте суп, – сказала она наконец. – Остынет.

Он ел. Медленно, аккуратно, как человек, который не привык ужинать в гостях. Потом бабушка поставила перед ним тарелку с солёными огурцами и произнесла торжественно:

– Попробуйте.

Матвей взял огурец. Откусил. И я увидела, как у него на лице расцвело нечто очень странное: смесь потрясения, боли и благоговения.

– Это...

– Это хрен, – сказала бабушка. – Мой собственный, с дачи. Хотите воды?

– Нет.

– Хотите чаю?

– Нет.

– Тогда ешьте.

Он съел весь огурец. Потом второй. Слёзы текли у него по лицу, но он не издал ни звука, не взял стакан и не отвёл взгляда. Это был, пожалуй, самый героический поступок, который я видела в жизни.

– Матвей, – прошептала я. – Вам не обязательно.

– Обязательно.

– Почему?

– Это экзамен.

Бабушка внимательно следила за нами. Когда он доел третий огурец, она вдруг кивнула.

– Вы не сдаётесь, – сказала она.

– Не умею.

– Хорошо. – Бабушка поднялась, достала из шкафа бутылку настойки и три рюмки. – Тогда можно и выпить.

– Бабушка!

– Что? Он гость.

Мы выпили. Потом ещё раз. И где-то на третьей рюмке разговор потёк сам собой, как будто между нами растаял лёд. Бабушка рассказала, как познакомилась с дедом на танцах в доме офицеров. Матвей, неожиданно для себя, поведал про первую кофейню, которую открыл в подвале, где пахло сыростью и пиццей из соседней забегаловки. Я рассказала про Соню,

восьмилетнюю фею с одним крылом. Мы смеялись, перебивали друг друга, и впервые за много дней я перестала чувствовать себя актрисой.

Около десяти вечера Матвей встал.

– Мне пора, – сказал он. – Спасибо за ужин, Нина Петровна.

– Заходите ещё.

– С удовольствием.

В прихожей он помедлил, потом повернулся ко мне.

– Ваша бабушка потрясающая.

– Она вас любит.

– Откуда вы знаете?

– Она налила вам третью рюмку. Это высшая степень доверия.

– Мне показалось, что она хотела меня отравить.

– Она не хотела. Если бы хотела, вы бы уже не стояли.

Он улыбнулся. По-настоящему, широко, с ямочками на щеках, которых я раньше не замечала. И у меня внутри что-то ёкнуло, мелко и неуместно, как будто я пропустила ступеньку.

– Полина.

– Да.

– Спасибо, что не сказали ей правду.

– Она догадается.

– Вы так думаете?

– Она знает всё. Просто пока не хочет говорить.

Он кивнул. Потом наклонился и очень осторожно, почти невесомо, поцеловал меня в щёку.

– Это что? – прошептала я.

– Репетиция, – сказал он. – Пункт четвёртый. Поцелуй в щёку допускается без записи.

– Вы нарушаете пункт пятый.

– Нет. Пятый про губы.

Он развернулся и вышел, оставив меня стоять в прихожей с горячей щекой и ощущением, что я снова забыла, как дышать.

Из кухни донёсся голос бабушки:

– Полина!

– Да?

– Этот мальчик очень хороший.

– Бабушка, это работа.

– Я не говорю про работу, – сказала бабушка. – Я говорю про мальчика.

Глава 6

Матвей

Семейные ужины у деда проходили по воскресеньям в половине седьмого, и Матвей ненавидел их с детства.

Это была традиция, которую Аркадий Ильич завёл ещё в девяносто втором году, когда семья только начинала богатеть, и с тех пор не менялась: большой дом в Барвихе, длинный стол в гостиной, горячее подаёт молчаливая домработница Галина, а во главе сидит дед и задаёт вопросы, на которые нельзя отвечать честно.

Он приехал на этот ужин с Полиной в шесть двадцать пять. В машине они молчали. Матвей вёл, она смотрела в окно. Кольцо, которое он купил в четверг, лежало у неё на пальце, и она всё время крутила его, словно проверяя, настоящее ли оно.

– Не крутите, – сказал он.

– Простите.

– Оно не слетит.

– Я не боюсь, что слетит. Я боюсь, что оно слишком красивое.

– Это нормально.

– Нет. Для фиктивной невесты оно не должно быть красивым. Оно должно быть как билет на метро.

– Дед в бриллиантах разбирается лучше, чем в людях. Если бы кольцо было дешёвым, он бы сразу понял.

– Откуда вы знаете?

– Я проверял.

Она фыркнула. Он краем глаза заметил, что она улыбается, и почему-то это его успокоило.

Дом деда встретил их светом во всех окнах. У крыльца стоял Эдуард, двоюродный брат, в бежевом пальто, с идеальной улыбкой и бокалом шампанского. Рядом с ним стояла Алёна, высокая блондинка в платье, которое стоило как годовая аренда небольшой квартиры.

– Матвей! – Эдуард раскинул руки. – Наконец-то. А это, как я понимаю, та самая невеста?

– Полина, – сказал Матвей. – Полина, это мой двоюродный брат Эдуард и его Алёна.

– Очень приятно, – сказала Полина и протянула руку.

Эдуард пожал её. Дольше, чем следовало.

– Мне говорили, что вы актриса.

– Режиссёр, – поправила она. – Детский театр.

– Как интересно. И где вы познакомились с Матвеем?

– В кофейне, – сказала она. – Я устроила скандал.

– Правда?

– Он отменил мне сервисный сбор.

– Матвей отменил сбор? – Эдуард рассмеялся. – Это невозможно. Матвей никогда ничего не отменяет.

– Бывают исключения, – сказал Матвей.

– Какие?

– Исключительные.

Он взял Полину за руку и повёл в дом. Её ладонь была холодной. Он слегка сжал пальцы и почувствовал, как она отвечает на пожатие.

В гостиной уже сидели остальные: тётя Рита, сестра отца, с вечным выражением недовольства; дядя Борис, муж Риты, молчаливый и сонный; двоюродная сестра Вера с мужем; и

в кресле во главе стола, прямой и сухой, как дубовая палка, сидел дед. Рядом с ним на ковре лежал корги по имени Борщ и лениво поглядывал на гостей.

– Деда, – сказал Матвей. – Это Полина.

Аркадий Ильич поднял глаза. Они были светлые, выцветшие, но острые, как иглы.

– Подойдите, девушка.

Полина подошла. Матвей видел, как у неё чуть дрогнули плечи, но голос остался ровным:

– Здравствуйте, Аркадий Ильич.

– Здравствуйте. Садитесь рядом.

– Спасибо.

Она села на стул рядом с ним. Борщ поднялся, подошёл к ней, обнюхал колени и лёг у ног.

– Ему вы понравились, – сказал дед. – Это редкость.

– Я люблю собак.

– А детей?

– Работаю с ними.

– Замужем была?

– Нет.

– Почему?

– Не встретила человека, который выдержал бы мою бабушку, – сказала Полина.

За столом кто-то хмыкнул. Дед пристально посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

– Бабушка строгая?

– Очень.

– А Матвей её выдержал?

– Он съел три солёных огурца с хреном.

Теперь рассмеялись уже все, даже дядя Борис проснулся. Только Эдуард сидел с натянутой улыбкой и крутил в пальцах бокал.

Ужин начался. Галина разносила тарелки, дед задавал вопросы, а Матвей наблюдал за Полиной и ловил себя на том, что не слушает ничего, кроме неё. Она отвечала легко, остроумно, с живыми интонациями, которых не было ни в одной из их репетиций. Она рассказывала про детский спектакль, про Соню с одним крылом, про Бабу-ягу и про то, как однажды приняла директора банка за фокусника и попросила достать из шляпы кролика.

Дед слушал внимательно. Потом вдруг спросил:

– А как он сделал вам предложение?

Матвей замер. Это был вопрос, к которому они готовились, но он вдруг понял, что боится услышать ответ.

– На кухне, – сказала Полина.

– Почему на кухне?

– Потому что он готовил ужин. Хотел произвести впечатление.

– Получилось?

– Не очень.

– Что он приготовил?

– Яичницу.

– И?

– Она подгорела.

– И вы согласились?

– Да.

– Почему?

Полина повернулась к Матвею. Он увидел в её глазах что-то, чего не было в репетициях: серьёзность, смешанную с лёгким озорством.

– Потому что он единственный человек, который признал, что не умеет, – сказала она. – Все остальные притворяются, что умеют всё. А он сказал: «Я сжёл ужин. Я не умею. Но я хочу научиться». И я подумала, что это самое честное предложение, которое мне когда-либо делали.

За столом повисла тишина. Дед смотрел на неё долго, не мигая.

– Матвей, – сказал он наконец. – Это правда?

– Да, – сказал Матвей.

Он сам не понимал, почему ответил так твёрдо. Слова вышли сами, будто он действительно стоял на кухне с обгоревшей сковородкой и смотрел на женщину, которая смеётся и говорит «да».

– Хорошо, – сказал дед. – Тогда поцелуйтесь.

– Что? – вырвалось у Матвея.

– Поцелуйтесь. Здесь и сейчас. Я хочу увидеть, как вы это делаете.

Это не входило в договор. Матвей перевёл взгляд на Полину. Она сидела спокойно, но он видел, как у неё побелели костяшки пальцев на скатерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.